

УДК 394(= 161.1)

ББК 63.5

DOI 10.31554/2222-9175-2019-34-129-133

Н. М. Нестеренко

ТРУД КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ И СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ: ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Трудолюбие всегда считалось характерной чертой старообрядцев – этнической группы русского населения Забайкалья (семейских). Труд для старообрядцев как явление физической и духовной деятельности был абсолютной самоцелью и призванием, немаловажным средством спасения веры и души. Традиции уважения и почитания труда раскрывают своеобразные особенности личности старообрядца, закрепленные в нем исторически определенным укладом жизни. В статье рассматриваются трудовые традиции старообрядцев, особенности трудового воспитания, иерархия разных видов деятельности в представлениях семейских.

Ключевые слова: трудовые традиции, семейские, старообрядцы, Забайкалье, культура, труд, традиция, трудолюбие, трудовое воспитание.

N. M. Nesterenko

WORK-RELATED TRADITIONS OF SEMEYSKIE AS A FACTOR OF TOLERANCE FORMATION

Diligence has always been a feature of Old Believers – the ethnic group of the Russian population of Transbaikalia (Semeyskie). Work for the Old Believers, as a manifestation of physical and spiritual activity, was an absolute goal in itself and vocation, an important means of saving faith and the soul. The traditions of respect and veneration of labor reveal the peculiar peculiarities of the personality of the Old Believer, enshrined in it by a historically determined way of life. The article discusses the labor traditions of the Old Believers, the features of labor education, the hierarchy of different types of activity in family ideas.

Keywords: work-related traditions, semey, oldbelievers, Transbaikalia, kulture, work, tradition, diligence, work experience.

Труд в жизни семейских-старообрядцев Забайкалья, без сомнения, занимал второе по значимости, после веры, место в иерархии смыслов существования. Не случайно о трудолюбии, труде и его результатах было столько пословиц и поговорок: «Не от росы урожай, а от поту», «Тяжко тому жить, кто от работы бежит», «Человек от лени болеет, а от труда здоровеет», и др. [Элиасов, Ярневский 1963: 326–333]. Этими ясными, вечными словами передавали старoverы своим детям мудрость жизненного опыта как верный рецепт успеха.

Семейские были переселены в Забайкалье в XVIII в. Их переселение было обусловлено заинтересованностью властей в колонизации Сибири, в обеспечении за-

НЕСТЕРЕНКО Наталия Михайловна – аспирант кафедры культурологии и искусствоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Восточно-Сибирский институт культуры» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: nata_nestere@mail.ru.

щитников границ продовольствием, в частности хлебом. До появления русских в Забайкалье земледелия здесь почти не было. На первоначальном этапе хозяйственного освоения Забайкалья преобладала военно-служилая (казацья) колонизация, но продовольствия не хватало. Аборигенное население – буряты выращивали немногочисленные крохотные посеы проса, их обработка носила примитивный характер и мало отличалась от простого собирательства. Поэтому имели место явный недостаток хлеба и его дороговизна. Люди вынуждены были питаться «травой и кореньями» [Болонев 2015: 181].

Подобное положение вещей было нетерпимым и не могло устраивать власти. С конца XVII в. правительство издает ряд указов, по которым в Забайкалье принудительно водворялись годные к крестьянской и другой работе люди. Но до середины XVIII в. предпринятые мероприятия по усилению за Байкалом земледелия еще не дали желаемых результатов. Комиссия Сената, проверявшая в 1755 г. развитие земледелия в Нерчинском округе, отметила необходимость заселения этих мест для занятий хлебопашеством. Указом Сената 1762 г. приглашались вернуться в Россию «все живущие за границею российские раскольники». Но на этот призыв старообрядцы практически не отреагировали, и в 1763–1763 гг. последовали так называемые «выгонки» – насильное переселение старообрядцев с семьями, в сопровождении военного конвоя, с территории Польши в Забайкалье, в Нерчинский и Селенгинский уезды.

Земледелие развивалось в этом крае в экстремальных условиях. Однако уже в 1771–1772 гг. путешественник П. С. Паллас так писал о них: «Оне имеют довольно хлебопашество» [2005: 96]. Природные условия Забайкалья были описаны им как весьма суровые, однако «трудолюбивые поляки» сеяли и коноплю, и гречиху, и горох, и пшено достаточно успешно. Также Паллас сообщает об использовании староверами плуга, т. е. более совершенного земледельческого орудия, о котором в этих местах да и во всей Сибири до их прихода не знали. Семейские поневоле стали приспосабливаться к климату: малоснежным зимам, поздней весне, ранним осенним заморозкам. Вместо озимой ржи стали выращивать ярицу – яровую рожь, сеять гречиху на склонах гор и т. п. Уже через 10–15 лет они стали производить зерна и круп столько, что начали их продавать. Хлеб поставляли для регулярных войск, на Петровский железоделательный завод и в другие места. Иркутский губернатор Н. И. Трескин в 1808 г. восхищенно писал об их редком трудолюбии, согласии и общепольности [Болонев 2012: 44].

В. Дедлов, путешествуя по Забайкалью в 1896 г., отмечал: «Семейский, обладающий лошадиной силой, работает за троих обыкновенных смертных» [Там же 2012: 77]. Описывавшие семейских авторы отмечают их благоденствие, «необыкновенную деятельность», подчеркивают их бескорыстие, например, после наводнения р. Селенги в 1830 г., при «даровом», даже с компенсацией платы за доставку, снабжении Амурской области хлебом с 1857 г. [Он же 2015: 228].

Г. М. Осокин, сравнивая русских старожилов-сибиряков с семейскими, неоднократно отмечает пороки и недостатки, присущие коренному сибиряку, мешающие последнему жить богаче, здоровее и дольше, противопоставляя им положительные черты семейских, среди которых нередко можно было встретить 80-летних бодрых старцев, работавших наравне с молодыми. Г. М. Осокин считал, что «зажиточность семейских, конечно же, всецело является результатом их трудолюбия и более крепких основ обыденной жизни, а также сплоченности взаимных интересов и помощи» [1906: 64–66].

Трудолюбие семейских основывается на совокупности духовных идеалов. Труд для старообрядцев, как явление физической и духовной деятельности, был абсо-

лютой самоцелью и призванием, немаловажным средством спасения веры и души. Традиции уважения и почитания труда раскрывают своеобразные особенности личности старообрядца, закрепленные в нем исторически определенным укладом жизни. Необходимо отметить, что в социально-религиозной концепции старообрядцев труд, в т. ч. предпринимательский, выступает в значении дела Божьего, т. е. благого и богоугодного, и требует духовного подвига.

Достоинства людей, которые приносили пользу не только себе, но и другим, были общепризнаны. Память о таких людях, бескорыстных, трудившихся не только для собственного блага, долго хранилась в селах. Они были широко известны окрестному населению, которое в случае необходимости прибегало к их помощи. Напротив, лень и нерадивость вызывали строгое осуждение. Плохих хозяев осуждало большинство односельчан, народная молва сразу «награждала» их обидными прозвищами: балахлыст, лодырь, раззява и др.

Как и в других традиционных общинах, у семейских была широко распространена традиция внутриобщинной взаимопомощи, так называемые «помочи» – безвозмездной работы на благо другого человека. Помогали вдовам, сиротам, солдаткам, в общем, тем семьям, где мужских рук была явная нехватка. В основном помощь оказывалась во время уборки урожая, на сенокосе, иногда – при строительстве дома, убое скота. На «помочь» приходили семьями и поодиночке. Если помогать надо было за пределами села, выезжали в дорогу весело, с песнями. После работы те, кому оказывалась «помочь», устраивали трапезу для «помочан», иногда катали на тройках. Был и отдельный для «помочи» день – 26 августа по старому стилю (8 сентября), день Натальи-Андреаны [Болонев 1975: 87].

На общих работах, на «помочах» проявлялись трудовые навыки каждого, ловкость и сообразительность, сила и сноровка в различных видах повседневного труда. По результатам работы в поле, на лугу можно было наглядно судить о способностях в ведении хозяйства. Выбор будущих жениха или невесты тоже нередко зависел от трудолюбия кандидатов: «Выбирай жену не в хороводе, а в огороде», «Смотри дерево в плодах, а человека в делах» [Элиасов, Ярневский 1963: 326–333]. Пару подбирали себе под стать, как единомышленника и, что немаловажно, как еще одну рабочую единицу в большую семью.

Необходимо отметить, что не все занятия считались у семейских достойными, заслуживающими уважения. Существовало мнение, что стоит заниматься только тяжелым (например, работник сельского хозяйства) или приносящим пользу другим (учитель, врач) трудом. Даже в конце XX в. находились люди, которые отказывались от выбора профессии певца, ученого, чиновника, настолько сильны были «установки» дедов и прадедов. Например, Федор Ферাপонтович Рыжаков, основатель, руководитель и прославленный запевала Большекуналейского народного семейского хора, обладатель великолепного «оперного» голоса, был награжден орденом «Знак Почета» и званием «Заслуженный работник культуры Бурятской АССР» за деятельность в хоре. В конце своей жизни он по-прежнему был уверен, что главной его заслугой была многолетняя работа луговодом, «а пение – это же удовольствие, как за него деньги получать? Совесть не позволит!» Когда в деревне парня спрашивали: «Чем хочешь заниматься, что делать?» Он отвечал: «Петь». Ему говорили: «А работать кем?» Эта ситуация демонстрирует отношение семейских к людям творческих профессий, когда, несмотря на то, что среди них было много талантливых, способных людей, особенно исполнителей народной песни, это занятие не считалось работой. Скольких певцов, артистов, ученых, изобретателей потеряла страна – наверняка, немало.

Вся атмосфера семейной жизни семейских способствовала трудовому воспитанию. Праздники чтились свято, в эти дни работать строго запрещалось. Зато в

будничной жизни семейских не было понятия «отдых», отдыхающего в будни человека сочли бы праздным. Выработывались привычка и потребность непрестанно трудиться, и мужчины, и женщины были заняты постоянно, делая перерывы только на прием пищи. Выражение «Лучший отдых – это смена деятельности» для семейских подходило как нельзя кстати. Дети видели, что праздность не поощряется, а осуждается. Детей в семье воспитывали не только собственным примером, с ранних лет ребенок включался в трудовую деятельность. Однако нужно отметить, что ему поручали только посильные дела. Мальчика отец брал в поле, приучая к боронованию, уходу за лошадьми и т. п.; девочку мать усаживала за прялку, а также учила шить необходимые вещи, вязать варежки (вареги), чулки, следить за порядком в доме [Попова 2005: 299]. Отсюда-то и брались те самые «родовые, так сказать, привычка и умение трудиться», о которых писал в 1872 г. П. А. Ровинский [2005: 125].

Роль труда в жизни семейских ярко иллюстрирует мудрая крестьянская заповедь, которую записал Л. Е. Элиасов в 1953 г. в селе Тарбагатай от Якова Никитича Чебунина, 1847 г. р.: «Земле мы кланяемся, земле хвалу поем, землю слезами мочим, земля нам поддержка во всем, только она нас держит, только она нас кормит, детей наших растит. От земли мы идем, к земле прийдём. Ты одна наша надежда во всей жизни. Хвала тебе, труд! Ты нас держишь в жизни и кормишь, в тебе наше утешение от горя и страданий, ты погибель для всех, кто тебя не любит, ты радость для всех, кто с тобой дружит» [Элиасов, Ярневский 1963: 324].

Благодаря постоянному тяжелому труду семейских, росли посевные площади в горно-таежной местности, а также валовые и товарные сборы хлебов в Забайкалье. Развивались народная агрономия, мукомольная промышленность, ткацкие промыслы, обрабатывающие производства, торговля, горнодобывающая отрасль. Староверы также занимались охотой, рыбалкой, извозом, отхожими промыслами, однако земледелие было основной «промышленностью».

Пример русских крестьян, осваивающих сибирские земли, был настолько убедителен и заразителен, что аборигены начинали перенимать их культуру, их достижения. «Главной причиной роста численности ряда народов Сибири является усвоение ими ... русской земледельческой техники» [Болонев 2015: 140]. Хоринский летописец Вандан Юмсунов сообщал, что в XVIII–XIX вв. буряты, «наставляемые русскими», научились сеять «разных родов хлеб», и «хоринский народ понял, что это весьма полезно» [Там же: 141]. Буряты начали строить русские дома и зимовья в большом количестве, переходя на оседлость. Обмен навыками не был односторонним, русские усваивали от бурят орошение покосов, скотоводческие знания, техники выделки кож, изготовления пуговиц и т. д. На почве хозяйственных связей устанавливалась тесная дружба между русскими переселенцами и бурятами, возникали родственные отношения, усиливалась взаимопомощь. Иными словами, русские многие годы мирно сосуществовали с аборигенами края, способствуя взаимному культурному обогащению во всех сферах жизни.

По нашему мнению, этот положительный исторический опыт взаимобмена трудовыми традициями, безусловно, заслуживает изучения и усвоения для воспитания подрастающего поколения, приобщения его к ценностям труда, что, к сожалению, в наше время теряет свое значение. Кроме того, трудовые успехи семейских всегда являлись примером для других, способствуя, в том числе, формированию толерантности – терпимости и уважения к культурам иных народов, проживающих на территории нашей республики.

Литература

Болонев Ф. Ф. Календарные обычаи и обряды семейских / Ф. Ф. Болонев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. – 96 с.

Болонев Ф. Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Очерки истории, культуры, быта и межэтническое взаимодействие: сб. науч. ст. / Ф. Ф. Болонев. – Улан-Удэ: Новапринт, 2015. – 424 с.

Болонев Ф. Ф. Сокровища земли тарбагатайской: очерки истории и культуры / Ф. Ф. Болонев. – Улан-Удэ; Иркутск: Медиаинформ, 2012. – 220 с.

Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья / Г. М. Осокин. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. – 304 с.

Паллас (Петр-Симон). Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788 / Паллас (Петр-Симон) // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Ч. 1. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – 328 с.

Попова А. М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). – Верхнеудинск, 1928 / А. М. Попова // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Ч. 1. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – 328 с.

Ровинский П. А. Этнографические исследования в Забайкальской области. – Иркутск, 1872 / П. А. Ровинский // История и культура семейских Забайкалья: хрестоматия. Ч. 1. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – 328 с.

Элиасов Л. Е. Фольклор семейских / Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 672 с.

References

Bolonev F. F. Kalendarnye obychai i obryady semejskikh / F. F. Bolonev. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1975. – 96 s.

Bolonev F. F. Semejskaya zhivaya starina za Bajkalom. Oчерki istorii, kul'tury, byta i mezhetnicheskoe vzaimodejstvie: sb. nauch. st. / F. F. Bolonev. – Ulan-Ude: Novaprint, 2015. – 424 s.

Bolonev F. F. Sokrovishcha zemli tarbagatajskoj: очерki istorii i kul'tury / F. F. Bolonev. – Ulan-Ude; Irkutsk: Mediainform, 2012. – 220 s.

Osokin G. M. Na granice Mongolii. Oчерki i materialy k etnografii yugo-zapadnogo Zabajkal'ya / G. M. Osokin. – SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1906. – 304 s.

Pallas (Petr-Simon). Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva. – SPb., 1788 / Pallas (Petr-Simon) // Istoriya i kul'tura semejskikh Zabajkal'ya: hrestomatiya. Ch. 1. – Ulan-Ude: Belig, 2005. – 328 s.

Popova A. M. Semejskie (Zabajkal'skie staroobryadcy). – Verhneudinsk, 1928 / A. M. Popova // Istoriya i kul'tura semejskikh Zabajkal'ya: hrestomatiya. Ch. 1. – Ulan-Ude: Belig, 2005. – 328 s.

Rovinskij P. A. Etnograficheskie issledovaniya v Zabajkal'skoj oblasti. – Irkutsk, 1872 / P. A. Rovinskij // Istoriya i kul'tura semejskikh Zabajkal'ya: hrestomatiya. Ch. 1. – Ulan-Ude: Belig, 2005. – 328 s.

Eliasov L. E. Fol'klor semejskikh / L. E. Eliasov, I. Z. Yarnevskij. – Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1963. – 672 s.